

Песни Людмилы Зыкиной

ДОЧЬ одной моей знакомой, школьница 15 лет, переписывается со своей сверстницей из Франции. Предмет, сблизивший школьниц, — песни, всякие песни, которыми они обмениваются, хотя, кажется, обе предпочитают джазовые мелодии. И тем не менее, юная француженка прислала недавно письмо, где были такие строки: «Как я тебе завидую, какое это счастье — жить в одной стране с Людмилой Зыкиной».

Вероятно, это так и есть. Я пишу «вероятно» потому, что самим нам, русским, не так просто судить об этом. Песни Людмилы Зыкиной для нас — что-то очень привычное, очень свое, как березовая роща, как берег Волги, словом, как то, что всегда с тобой.

Когда-то, еще до войны, в Советском Союзе гремела слава другой исполнительницы русских песен — Лидии Руслановой. Песни Лидии Руслановой были мажорными, оптимистическими.

Песни Людмилы Зыкиной породило другое время. Время поколения, узнавшего, что такое война.

На сцену выходит женщина, одетая в платье со скромным

русским орнаментом. Нельзя сказать, чтобы красавица, и все же совершенно русская натура — и в чертах лица, и в стати, и в движениях. Держится она скромно, достойно, на первый взгляд, слишком скромно.

Только вот глаза — необыкновенно изменчивые, скрывающие сдерживаемую силу, полные драматизма, временами трагические. Они-то и передают внутреннее горение, угадываемое под внешней округлостью движений. Это глаза русской женщины, женщины, прошедшей тернистый путь познания добра и правды. Поскольку мы говорим о нашей современнице, то мы знаем, что за этим стоит биография поколения середины XX века, поколения, прошедшего через самую страшную из когда-либо бывших на земле войн.

В трудные дни зимы первого года войны, когда фашисты приближались к Москве, одиннадцатилетняя Людмила Зыкина достала в домоуправлении справку о том, что ей четырнадцать лет. Это было нетрудно — девочка была рослой, развитой не по годам. Ей удалось устроиться учеником токаря на мос-

ковский станкостроительный завод имени Орджоникидзе. Стать к станку в одиннадцать лет — это очень не просто. Но ведь нелегко тогда было всем — и матери, и отцу на фронте, всей стране, в неимоверном напряжении отставившей свою свободу. В 1943 году отец вернулся домой инвалидом первой группы. Семье Зыкиных легче не стало. Потом работала в пошивочной мастерской, а вечерами училась в школе.

В. КЛИМОВА,
студентка ТашПИ.

ковский станкостроительный завод имени Орджоникидзе.

Стать к станку в одиннадцать лет — это очень не просто. Но ведь нелегко тогда было всем — и матери, и отцу на фронте, всей стране, в неимоверном напряжении отставившей свою свободу. В 1943 году отец вернулся домой инвалидом первой группы. Семье Зыкиных легче не стало. Потом работала в пошивочной мастерской, а вечерами училась в школе.

— Тогда всем трудно было, — вспоминает Зыкина.

Может быть, потому сейчас так удаются Людмиле Зыкиной песни задумчиво-уравновешенные, песни о земной благодати и покое — о том, чего было лишено ее детство.

Людмила Зыкина любит петь подлинные народные

песни — часто без сопровождения. Так пели все в ее семье: мать, отец, бабушка. Звучный бас отца хорошо сочетался с серебристым сопрано матери, к ним часто подключалась бабушка — человек большой природной музыкальности, знавшая множество народных мелодий. А Людмила с детства впитывала культуру исполнения народной песни, постигала ее душу.

Поэтому так убедительны в ее исполнении старая «Свадебная песня», передающая драматизм переживаний девушки, выдаваемой за немилого, или широкая, распеваемая: «Ты заря моя, зоренька». Певица одна на пустой сцене, и один ее голос звучит в зале, без аккомпанемента и поддержки инструментов, но переливы, изгибы его, наполненного неподдельной страстью звучания, так трогательны и убедительны, что ваше внимание и восприятие поглощены целиком. Голосом рисует Зыкина портреты людей и делает зримой их внутреннюю жизнь, голосом рисует певица картины родной русской природы.

Людмила Зыкина добивается синтеза мысли, слова и

звука. Думается, прежде всего, потому, что все это пронизано у нее вот сейчас рожаемым волнением сердца — нотные знаки песни становятся всякий раз подлинными чувствами певицы.

Может быть, потому автор песни «Течет Волга», композитор Марк Фрадкин, именно Людмилу Зыкину считает лучшей исполнительницей этой песни, хотя по тексту она — мужская.

Мудрость вечной жизни, несокрушимость родины, несмотря ни на какие беды и испытания, — второй план этой песни у Зыкиной. Отсюда — вера в нравственные победы, дающие начала, пронизывающая исполнение певицы. Жизнь вечна и вечны истинность и правда основных и нерушимых ее начал — утверждает своим творчеством Людмила Зыкина.

Воспевая природу, человека, жизнь, певица вызывает в слушателях ощущение огромного мира, наполненного миллионами других людей, мира, где жизнь может быть прекрасной, если ты действительно захочешь быть достойным ее, окажешься под

В. СЕЧИН.